

РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВО ФРАНЦИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII в.**Историографический обзор**

Французский ежегодник 1974

М.: Наука. 1976. С.307-329.

Раздел «ИСТОРИОГРАФИЯ»

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta, 2010

Рекомендуемые работы по теме:

С.Лотте. «Республиканское сословие»: из истории французского предпролетариата XVIII в.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_fe-60.pdfС.Лотте. «Дело Ревельона» http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_rev.pdfК.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ratk_lab.pdf

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p77378626.htm>

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57335227.htm><http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57829096.htm>Р.Монье. Сент-Антуанское предместье (1789-1815) <http://vive-liberta.narod.ru/journal/monier.pdf>Ю.Кучинский. Условия труда во Франции с 1700 по 1948 гг. <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p79346554.htm>

Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. была народной революцией. О ее высшем этапе — якобинской диктатуре — В. И. Ленин писал как о диктатуре низов.

Естественно, что роль рабочих во французской революции 1789—1794 гг. в немалой мере зависела от их организованности. Нам известны различные организации французских рабочих XVIII в., прежде всего так называемые «компаньонажи» и «рабочие братства», объединявшие рабочих-подмастерьев. В 1790—1791 гг., уже после начала революции, возникают новые рабочие организации — Типографское общество, Братский союз плотников и другие. Их деятельность была оборвана антирабочим законом Ле Шапелье.

Исследование вопросов, связанных с рабочими организациями XVIII в. во Франции, наталкивается на большие трудности, главным образом из-за недостатка документального материала. Поэтому оценки характера и роли этих организаций отличаются большой противоречивостью.

Настоящее исследование представляет попытку обзора литературы, в которой в той или иной мере рассматриваются вопросы, связанные с рабочими организациями во Франции XVIII в. Обзор такого рода может быть полезным для уяснения места рабочих в острой классовой борьбе 1789—1794 гг.

Уже сам термин «компаньонаж» употребляется французскими исследователями далеко не единообразно. Одни из них употребляют его только в единственном числе, говоря дальше о группах, федерациях компаньонажа. Большинство же авторов относят термин «компаньонаж» к этим группам, говорят о различных компаньонажах. Наконец, третьи употребляют термин «компаньонаж» и для обозначения целого и для обозначения любой из его частей. Еще важнее оговорить то обстоятельство, что большинство авторов не усматривают различий между компаньонажами в точном смысле этого слова и другими рабочими организациями, например братствами, обозначают словом «компаньонаж» любые рабочие организации XVIII в. во Франции.

Деятельность компаньонажей оценивается историками весьма противоречиво. Этот разнобой во мнениях объясняется отчасти (особенно в изданиях справочного характера) игнорированием многовековой истории компаньонажей. В самом деле, компаньонажи XIII—XVI, XVII в., особенно, XVIII вв., первой половины XIX и конца XIX — начала XX в. резко отличаются друг от друга¹. Однако даже оценки роли компаньона-

¹ История компаньонажей тесно связана с эволюцией цехов, важной вехой в которой явился XVII в. Начиная с этого времени звание мастера стало фактически наследственным, а подмастерья стали все больше и больше превращаться в наем-

нажей в одну и ту же эпоху — накануне революции конца XVIII в. — далеко от какого-либо единства².

Еще в конце XIX в. деятельность компаньонажей XVIII в. получила высокую оценку со стороны Левассера в его фундаментальном труде «История рабочих классов и промышленности во Франции». Левассер прямо связывал выделение рабочих в особую социальную группу с вступлением все большего числа их в компаньонажи³. Он справедливо указывал на тенденциозность источников, по которым приходится судить о деятельности компаньонажей. «Компаньонажи в XVII и XVIII вв. известны нам только по жалобам хозяев и приговорам судей. Однако ни хозяева, у которых были интересы, противоположные интересам рабочих объединений, ни судьи, принадлежавшие в силу своего образования к классу буржуазии и обязанные заставлять соблюдать регламенты и порядок, не были ни достаточно беспристрастными, ни даже всегда хорошо осведомленными свидетелями. Они могли справедливо порицать увлечение кабаком, соперничество и драки между подмастерьями... Но они значительно менее беспристрастно восставали против притязаний обсуждать заработную плату и самим регулировать устройство на работу подмастерьев...»⁴ Оценка Левассера заслуживает тем большего внимания, что он был одним из немногих историков, писавших о компаньонажах на основе первоисточников.

Прямо противоположную точку зрения сформулировал во Франции в начале XX в. Жорес. «...Ни в одном из современных документов я не встречал указаний на какие-нибудь общие и организованные действия со стороны подмастерьев... В парижском рабочем классе накануне революции мы не видим ни определенного классового сознания, ни даже зачатков организации»⁵. Деятельность «товариществ» подмастерьев Жорес сводил только к «убийственному антагонизму» между ними⁶.

Линия Левассера в оценке компаньонажей была продолжена и развита М. М. Ковалевским. «В середние XVIII столетия, — писал он, — *compagnons* оказывают рабочим те самые услуги, какие в наши дни приносят им английские *trades-unions*»⁷. Ковалевский подчеркивал, что причину роста номинальной заработной платы рабочих во второй половине XVIII в. «надо видеть в изменчивости хлебных цен и их постоянном росте, а также в успешных усилиях «товариществ» и руководимых ими стачек...»⁸. Важно подчеркнуть, что Ковалевский четко разграничивал компаньонажи XVIII в. и компаньонажи XIII—XVI вв. Опираясь на работы Левассера и других французских историков, он ис-

ных рабочих. Если раньше цех был в какой-то мере организацией мастеров, подмастерьев и даже учеников, то теперь цех превращается в организацию одних только мастеров. В связи с этим существенно меняется роль компаньонажей, характер их деятельности.

² Причиной этого является в немалой мере упомянутое вышевольное или невольное смешение понятия «компаньонаж» в узком и точном смысле, обозначающего замкнутые организации молодых, холостых подмастерьев немногих профессий (со сложным ритуалом приема, посвящения в члены), объединявших весьма незначительное меньшинство рабочих, и понятия «компаньонаж» в широком смысле, подразумевающего рабочие организации, объединявшие значительно более широкие слои рабочих. Коорнар употребляет для обозначения компаньонажа в точном смысле выражения «активный», «подлинный», «настоящий». Возможно использовать и выражение «классический» компаньонаж.

³ *E. Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789*, v. II. Paris, 1901, p. 905.

⁴ *Ibid.*, p. 819—820.

⁵ *Ж. Жорес. Учредительное собрание (1789—1791)*, 1908, стр. 110—111.

⁶ Там же.

⁷ *М. Ковалевский. Рабочий вопрос во Франции накануне революции*. СПб., 1905, стр. 31.

⁸ Там же.

пользовал и документальный материал, относящийся главным образом к Тулузе⁹.

Е. В. Тарле уделил рабочим организациям XVII в. несколько страниц в своей статье «Рабочие во Франции в XVII в.»¹⁰ Компаньонажи он определял как «рабочие профессиональные товарищества, возникшие на почве цехового строя»¹¹. Они «дожили до революции и пережили ее, но роли во время революции не играли. Эти старинные сообщества цеховых рабочих, соединявшихся для взаимной помощи, рано или поздно должны были уступить место организациям, более приспособленным к новому индустриальному режиму»¹². В другом месте той же работы автор высказывается о роли компаньонажей еще решительнее: «Но компаньонажи роли во время революции и даже в последние годы старого режима не играли, а потому эта часть литературы по истории рабочего класса не может нам дать почти ничего»¹³.

Альбер Матъез начал с такой же уничтожающей оценки компаньонажей, что и Жорес. «Рабочие... делились на враждующие общества подмастерьев, больше занятые распрями между собою по мелочным поводам, чем заботой об общем фронте против мастеров»¹⁴. Но уже через несколько лет Матъез пришел к иным выводам. «Когда будут лучше знать историю компаньонажей,— писал он,— будет, может быть, меньше попыток утверждать, как это делали Жорес и г-н Анри Сэ, что *классовый дух* был неизвестен в XVIII в.»¹⁵.

Матъез решительно возражал против преувеличения роли распрей и междоусобиц между различными объединениями компаньонажей. Он подчеркивал, что «стачки обычно руководились компаньонажами»¹⁶.

Матъез был первым историком, поставившим вопрос о политической роли компаньонажей. «Играли ли компаньонажи роль в политической агитации, которая предшествовала революции, и в самой революции?»¹⁷ Отмечая, что этот вопрос едва поставлен и почти совсем не изучен, Матъез высказывал предположение, что рабочие-подмастерья, имевшие организации в масштабах значительной части страны и давнюю традицию переходить из одного города в другой в поисках работы («Тур де Франс»), могли играть большую роль в распространении революционных настроений. «... В XVIII в. благодаря компаньонажу рабочий мир находился в поражающем нас постоянном движении. Внезапность революционного движения, его немедленное распространение из Парижа на всю остальную Францию объясняется не только строительством сети дорог, но и той практикой Тур де Франс, которая подготовила умы к тому, чтобы видеть дальше родной колокольни, и которая умножила личные связи между людьми одного круга, между самыми удаленными городами»¹⁸.

Матъез присоединяется к мнению Озе (Hauzer), что «вводят себя в заблуждение, когда повторяют, что рабочий вопрос в 1789 г. не стоял и что стоял только *крестьянский вопрос*»¹⁹.

⁹ Близкую к Ковалевскому точку зрения сформулировали Эйем (Haumet), Бризон (Brison) и некоторые другие авторы. См.: С. Л. Сытин. Рабочие организации во Франции в XVIII веке (историографический обзор). «Вопросы всеобщей истории». Ульяновск, 1974, стр. 71—72.

¹⁰ «Книга для чтения по истории нового времени», т. 2. М., 1911, стр. 205—221.

¹¹ Е. В. Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции.— Е. В. Тарле. Соч., т. II. М., 1957, стр. 207.

¹² Там же, стр. 104.

¹³ Там же, стр. 207.

¹⁴ А. Матъез. Французская революция, т. 1. М.—Л., 1925, стр. 25.

¹⁵ А. Mathiez. La France économique dans la seconde partie du XVIII-e siècle. Paris, 1927—1928, p. 99.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid., p. 100.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibidem.

Надеждам Матеза на серьезное изучение истории компаньонажей XVIII в. не суждено было исполниться. Французские историки и экономисты, даже специализирующиеся на истории рабочего движения, на истории труда и трудящихся, по-прежнему лишь упоминают о рабочих организациях XVIII в., посвящая им, как правило, лишь немногие страницы и даже абзацы²⁰. Несмотря на краткость этих упоминаний, две основные тенденции в оценке деятельности и роли компаньонажей, о которых говорилось выше, выступают вполне отчетливо.

Работа Жака «Жизнь и смерть корпораций. Стачки и социальная борьба при старом порядке» представляет собой лишь сводку материала²¹. Жак четко разграничивает компаньонажи XVIII и XIX вв. Он указывает, что в XIX в. компаньонажи «утопились в вульгарном мистицизме, разбавленном сектантским корпоративизмом и увенчанном кровавым соперничеством»²². Четко ставит он и вопрос о связях между компаньонажами и франкмасонскими организациями²³.

Автор характеризует организацию и деятельность «обществ подмастерьев» XVIII в., указывая, что они развивали «дух сопротивления хозяевам и даже законам»²⁴. Компаньонажи накануне революции увеличивали свое влияние. «Благодаря своему духу солидарности общества становятся очагами стачек, без конца угрожая господству мастеров и беспокоя королевскую власть»²⁵. Жак подчеркивает, что рабочие организации имелись и у рабочих мануфактур²⁶.

В работе справедливо указывается и на черты ограниченности рабочих организаций XVIII в. во Франции. Но автор находит правильное соотношение между исторической ограниченностью и прогрессивной ролью компаньонажей и рабочих братств²⁷.

Жак настойчиво подчеркивает мысль о том, что рабочие организации XVIII в. во Франции — непосредственные, законные предшественники современных французских профсоюзов. Он пишет, что рабочие организации XVIII в. при всем своем своеобразии «делали дело, которое в большинстве случаев кажется нам полностью аналогичным тому, которым занимаются наши современные профсоюзы»²⁸.

В 1952 г. вышел первый том «Истории рабочего движения во Франции» Жана Брюа. Работа эта была издана по поручению Всеобщей конфедерации труда Франции²⁹.

В книге Брюа рабочим организациям XVIII в. посвящено немало страниц. «Постепенно союзы подмастерьев стали превращаться в боевые

²⁰ См.: С. Л. Сылтин. Указ. соч., стр. 74—75. Имеется несколько монографий, посвященных компаньонажам, например книга Коорнара «Компаньонажи», о которой речь пойдет ниже, но эти работы посвящены компаньонажам на протяжении всей их многовековой истории, а не компаньонажам XVIII в.

²¹ J. Jacques. Vie et mort des corporations. Grèves et luttes sociales sous l'ancien régime. Paris, 1948.

²² Ibid., p. 92—93.

²³ Ibid., p. 94. Имелись, пишет Жак, «...фундаментальные различия между обществами подмастерьев и франкмасонскими обществами: первые были организациями борьбы и защиты подмастерьев; вторые — сотрудничества между мастерами и подмастерьями. Имеются действительно многочисленные аналогии между ритуалом вступления в общество у подмастерьев и франкмасонов. Легенды, связанные с происхождением, также указывают на общие корни. В течение веков, без сомнения, имело место и слияние, взаимопроникновение, обмен обрядами, верой, опытом. Но две организации остаются все-таки различными и в конце концов развиваются в разных направлениях».

²⁴ Ibid., p. 90—91.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibid., p. 98.

²⁷ Ibid., p. 94.

²⁸ Ibid., p. 87.

²⁹ J. Bruhat. Histoire du mouvement ouvrier français. Publiée sous la patronage de la Confédération Générale du Travail. Tome premier. Des origines à la révolte des canuts. Paris, 1952.

организации. По их инициативе проводится ряд забастовок в XVII и XVIII веках»³⁰. «...Союзы подмастерьев оказали серьезное влияние на французское рабочее движение в период его возникновения»³¹.

Брюа устанавливает непосредственную связь между компаньонажами и современным рабочим движением во Франции. «... Эпоха компаньонажей закончилась в период революции 1830 года. Однако французские пролетарии не должны забывать, что при всей своей слабости и противоречивости³² эти союзы сыграли важную роль в истории французского пролетариата»³³.

«Обычай давать деньги на дорогу, — пишет Брюа, — представляющий собою одну из форм взаимопомощи рабочих, продолжает существовать и в современном рабочем движении... Терминология, используемая ныне французскими рабочими в их борьбе, в значительной степени заимствована из истории союзов подмастерьев: хозяина они называют «обезьяной», мастерскую «коробкой», группу рабочих «кружком», а членов союза «лисицами». Компаньонажи сыграли прогрессивную роль, и для того чтобы понять это, не следует судить по тому, что реакция в настоящий момент делает попытки возродить эти союзы с тем, чтобы противопоставить их политическим и профсоюзным организациям, созданным рабочим классом, уже осознавшим свои силы»³⁴.

Книга Коорнара «Компаньонажи»³⁵, как и работа Левассера (а также Сен-Леона), написана на большом документальном материале; вопрос о компаньонажах является для автора предметом специального рассмотрения, и ему посвящены не 2—3 страницы, а свыше 300 страниц да еще сотня страниц документальных приложений. Надо особо отметить, что Коорнар первым получил доступ к архивам ныне существующих компаньонажей, которые ведут свое происхождение «из глубины веков». Использовал он и документы из государственных архивов. К сожалению, научный аппарат, прежде всего ссылки на источники, в книге отсутствует.

Фактический материал в исследовании Коорнара весьма значителен. Но 90% этого материала относится к компаньонажам первой половины XIX в.³⁶

Основная цель автора — показать исключительность компаньонажей в рамках французского общества, показать исключительность Франции как единственной страны, где существовали подобные организации. Вторая задача — найти в самих компаньонажах нечто неизменное, особое, что связывает их с момента возникновения и до наших дней. Да, Коорнар говорит об эволюции, показывает ее — его ни в коем случае нельзя упрекнуть в игнорировании фактов, которые не отвечают его концепции, но в центре его внимания на протяжении всей книги находится не то, что отличало компаньонажи XIX в. от компаньонажей XVIII в., например, а то, что их связывало и делало явлением неповторимым, исключительным.

Основной этой исключительности являются для Коорнара моральные ценности, создателями и носителями которых были компаньонажи. Ком-

³⁰ Ж. Брюа. История рабочего движения во Франции, т. I. М., 1953, стр. 77.

³¹ Там же.

³² Отмечая историческую ограниченность компаньонажей, Брюа правильно подчеркивает, что основой соперничества между компаньонажами была «конкуренция между рабочими» из-за обеспечения работой. Однако причину конкуренции он видит в том, что «рабочие еще не представляли собой однородного класса». Но когда же и где рабочие в ту пору представляли однородный класс?

³³ Ж. Брюа. Указ. соч., стр. 79.

³⁴ Там же, стр. 78.

³⁵ E. Coornaert. Les compagnonnages en France du moyen âge à nos jours. Paris, 1966.

³⁶ В первой главе «Эволюция» Коорнар отводит компаньонажам со времени их возникновения и до 1789 г. около 30 страниц, а периоду с 1800 по 1848 г. — свыше 50. В этом плане Коорнар повторяет Сен-Леона.

паньонаж для него превращается порой прежде всего в этическое учение³⁷, своего рода религию. «Интенсивность веры — существенный элемент, основа компаньонажей»³⁸.

Экономическое и социальное развитие Франции, возникновение и развитие капитализма, складывание пролетариата и его организаций — все это для Коорнара не факторы, определяющие развитие и роль компаньонажей, а только фон, скромные декорации для показа «высоких моральных ценностей» компаньонажа.

Характеристику компаньонажа автор строит на основе прежде всего «теории» и практики компаньонажей первой половины XIX в. При этом делается молчаливое предположение, что, исключая детали, все это справедливо и для XVIII в., и для всех других эпох долгой истории компаньонажей. А между тем сам же Коорнар признает и подтверждает фактами, что состав компаньонажей в первой половине XIX в. принципиальным образом отличается от их состава в XVIII в. С начала XIX в. компаньонажи становятся «смешанными» обществами, в которых руководящую роль играли «подмастерья-мастера», мелкие и даже средние капиталисты. Коорнар посвящает несколько страниц «классовой борьбе в компаньонажах»³⁹. Он пишет, что именно в этом причина превращения компаньонажей в организации, которые склонны все больше не к борьбе, а к сотрудничеству с хозяевами, с предпринимателями.

И в XVIII в. и раньше немало подмастерьев становились в конце концов мастерами, иногда весьма преуспевающими. Но, став мастерами, они независимо от своего желания должны были в абсолютном большинстве случаев стать членами цеха — объединения хозяев, предпринимателей, который в целом был враждебен любым рабочим организациям, противостоял им. Да, Коорнар приводит любопытные факты о том, что часть мастеров отказывалась присоединиться к предложениям о запрещении компаньонажей⁴⁰. Иногда это могло быть действительно чем-то вроде проявления солидарности со стороны бывших подмастерьев по отношению к настоящим. Чаще это, видимо, диктовалось соображениями конкуренции. Но при всех условиях такие случаи были не правилом, а редким исключением. Правилom была почти безусловная враждебность цехов всем рабочим организациям. Это вынужден признать и сам Коорнар⁴¹.

Но в марте 1791 г. цехи были упразднены. Закон Ле Шапелье непосредственно связан с отменой цехов. Лишившись своих организаций,

³⁷ E. Coornaert. Op. cit., p. 332.

³⁸ Ibid., p. 11.

³⁹ «Если подмастерьям удавалось становиться мастерами при старом порядке, то со времени революции число таких подмастерьев значительно возрастает. Оставаясь почти все верными своим обществам (компаньонажам.— С. С.), они в них приобретают... влияние, которое растет в течение века и неизбежно влияет на их (компаньонажей.— С. С.) ориентацию» (E. Coornaert. Op. cit., p. 98). «Мы подчеркивали, какое место среди подмастерьев занимали бывшие подмастерья, ставшие мастерами. Изрядное число из них становятся мелкими и даже крупными буржуа» (Ibid., p. 307).

«У столяров-гаво мастера, когда-то посвященные в члены компаньонажа (когда они были подмастерьями.— С. С.), полностью подчинили себе компаньонаж... В несколько приемов «богатые и влиятельные» люди открыто противопоставили себя рабочим, настаивая на своем превосходстве и претендуя на формальную власть... Если бы захотели найти дополнительные доказательства постоянной классовой борьбы в прошлом, то замысли «посвященных» (в члены компаньонажа.— С. С.) хозяев были бы хорошим подтверждением этого» (ibid., p. 101—102). «В то время как отношения между мастерами и подмастерьями ухудшались, влияние бывших подмастерьев возрастало и становилось нормальным элементом жизни общества» (ibid., p. 307).

⁴⁰ E. Coornaert. Op. cit., p. 276.

⁴¹ «...Не считая меньшинства бывших подмастерьев, которые нарушали однородность патронажа, значительное большинство мастеров энергично противились «этому гибельному деуару»...» (ibid., p. 278).

мелкие предприниматели Парижа оказались бессильными перед волной стачечного движения, и буржуазное государство пришло им на помощь, приняв закон Ле Шапелье и совершив тем самым, по словам Маркса, нечто вроде государственного переворота, направленного на утверждение господства буржуазии над пролетариатом. И когда в начале XIX в. компаньонажи стали возрождаться (при хотя и противоречивом, но все же скорее благосклонном отношении со стороны Империи и, особенно, Бурбонов), мелкие предприниматели не только проявили живой интерес к этому, но и в какой-то мере возглавили этот процесс, сумели прибрать к рукам руководство многими компаньонажами⁴². О том, как это повлияло на облик, на деятельность компаньонажей, сам же Коорнар говорит весьма недвусмысленно, что, однако, не мешает ему писать о компаньонажах XIX в. как о чем-то едином с компаньонажами XVIII в.

Коорнар пишет о наличии параллельных и побочных (*marginaux*) компаньонажам группировок рабочих. «В совсем близком соседстве с компаньонажами посвященными (для вступления в которые требовалось пройти обряд посвящения.— *C. C.*) находились другие, независимые рабочие общества...»⁴³ «Подлинные» компаньонажи не признавали этих обществ в качестве себе подобных, а многие из этих группировок в свою очередь отказывались присоединиться к компаньонажам⁴⁴.

Автор справедливо ставит вопрос о том, «где же были границы компаньонажей»⁴⁵, говорит о том, что «мы только что расположили компаньонажи среди всей серии ассоциаций, которым люди отдавали целиком свою веру, свою жизнь»⁴⁶. Но в действительности Коорнар не столько ищет место компаньонажей среди других рабочих организаций, сколько старается «растворить» эти организации среди компаньонажей, не столько ищет границы, сколько старается доказать несущественный, формальный характер этих границ. Многообразие и эволюция рабочих организаций явно приносятся в жертву стремлению поднять на возможно более высокий пьедестал «подлинные», «активные» компаньонажи.

Братства и другие рабочие организации оказываются для Коорнара, как правило, лишь маской, которую надевали компаньонажи, спасаясь от репрессий. «Умело имитируя братства и под покровительством своих святых патронов, компаньонажи обосновываются в монастырях»⁴⁷. Вместе с тем, говоря о роли *компаньонажей*, Коорнар постоянно приводит примеры, связанные с борьбой, которую вели *братства* бумажников, переплетчиков, типографщиков.

В тех немногих случаях, когда автор вынужден писать о братствах как об организациях, не тождественных компаньонажам, он отводит им самую незначительную роль. Упомянув об организациях типографских рабочих и отметив, что компаньонажи не признавали эти организации «своими»⁴⁸, Коорнар дальше их полностью игнорирует. Игнорирует он

⁴² «Перед 1803 г. наше общество обращалось время от времени к «удалившимся» подмастерьям, к рассудительным мастерам, чтобы посоветоваться с ними о своих истинных интересах; советы... всегда благожелательно принимались, им следовали. Но после создания нового порядка (в компаньонажах, после 1803 г.— *C. C.*) часть мастеров, хорошо сплоченных, не ждали больше, чтобы общество обращалось к ним. Они являлись на собрания, как будто были наделены властью, и хотели давать не простые советы, а категорические приказания» (*E. Coornaert. Op. cit., p. 100—101*).

⁴³ *Ibid.*, p. 210.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 200, 210—212.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 200.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 212—213.

⁴⁷ *E. Coornaert. Op. cit.*, p. 295. Иногда Коорнар употребляет слова «компаньонажи» и «братства» в качестве синонимов. «Этот характерный аспект истории компаньонажей — частая поддержка, которую они находят у духовенства..., особенно обнаруживается в неспокойную для них эпоху, которая продолжалась вплоть до революции. Большое число братств было связано с тем или иным монашеским орденом. Для подмастерьев было обычным обосновываться в монастырях...» (*ibid.*, p. 299).

⁴⁸ *Ibid.*, p. 38—39.

и книгу Шове о типографских рабочих, хотя это одна из наиболее значительных работ о французских рабочих за последнюю четверть века.

Автор подчеркивает, что «активные» компаньонажи объединяли весьма незначительное число рабочих. Совершенно ясно, что размах выступлений рабочих во Франции в XVIII в., многие особенности этих выступлений, многие факты о составе их участников, о характере требований не могут быть объяснены деятельностью одних «классических» компаньонажей. И хотя, повторяю, Коорнар признает наличие у рабочих других организаций и отмечает, что современники употребляли слово «компаньонаж» в XVIII в. и раньше в широком смысле, обозначая так любые рабочие организации, он сводит все и вся к деятельности одних «активных» подмастерьев.

Все это приводит Коорнара к новым противоречиям, связанным на этот раз с истоками возникновения профсоюзных организаций во Франции. Он настойчиво подчеркивает своего рода несовместимость «классического» компаньонажа и профсоюзов. Компаньонаж — организация для немногих избранных. Профсоюз — организация для всех рабочих, массовая рабочая организация. Но если в XVIII в. были только такие компаньонажи, не совместимые с профсоюзами, если они продолжают существовать и в XIX в., то профсоюзы появляются, возникают «из ничего».

«Классический», «подлинный» компаньонаж всегда сосуществовал с более широкими и массовыми рабочими организациями. В XVIII в. эти организации умножают свое число, становятся все более гибкими и массовыми. «Классический» компаньонаж оказывается явно лишь одним из элементов, одной из ветвей этих организаций. Революция конца XVIII в. дала мощный толчок дальнейшей эволюции именно тех рабочих организаций, которые шли от «классического» компаньонажа к профсоюзу. Закон Ле Шапелье надолго пресек эту генеральную линию в развитии рабочих организаций во Франции. А вот все больше заходившие в тупик организации «классического» компаньонажа получили возможность для специфического и искусственного расцвета в 1803—1848 гг., сменившегося окончательным упадком во второй половине XIX в. Все эти процессы Коорнар не захотел понять и принять. Именно так — не захотел, так как фактический материал его книги, добросовестно собранный и в большинстве случаев объективно изложенный, явно опровергает схему, призванную идеализировать «классический» компаньонаж, да еще в том варианте, в каком он существовал в первой половине XIX в.

Крупнейшим французским историком революции конца XVIII в. является в наши дни Альбер Собуль. Диапазон исследований Собоуля широк. За последнее десятилетие он опубликовал, кроме общих обзоров эпохи революции и работ, посвященных санкюлотерии, две значительные работы о Франции накануне революции 1789—1794 гг.⁴⁹

Оценка Собоулем характера и роли рабочих организаций является противоречивой. Это хорошо прослеживается в его последней по времени большой работе⁵⁰.

Собуль подчеркивает, что компаньонажи «были запрещены государством и порицались церковью. Это... делало рабочие организации, отличавшиеся тайным характером и обособленностью, бессильными»⁵¹. Но дальше он пишет, что «преследуемые государством, осужденные церковью... компаньонажи добились в конце концов успеха, усиливаясь с се-

⁴⁹ A. Soboul. La France à la veille de la Révolution. Paris, 1962; *idem*. La civilisation et la Révolution française, v. I. La crise de l'Ancien Régime. Paris, 1970.

⁵⁰ Об оценке Собоулем компаньонажей в его ранних работах см.: С. Л. Сытин. Указ. соч., стр. 77—78.

⁵¹ A. Soboul. La civilisation et la Revolution française, v. I, p. 392.

редине XVII в. до конца революции. Анафемы религиозных властей имели не больше успеха, чем оружие светских»⁵².

Автор указывает на значительный рост числа профессий, в которых рабочие объединялись в компаньонажи, — с 15 в середине XVIII в. до 30 к 1791 г.⁵³ «Улучшилась и организация компаньонажей. Были выработаны уставы: каменотесов — в Париже, столяров — в Дижоне, токарей — в Марселе. Устанавливались связи между обществами одного и того же города, иногда даже между деуаранами и гаво, соперничающими деуарами — к удивлению мастеров и должностных лиц (так было в Дижоне и Туре в 1768 г., в Мулене в 1785 г.). Все чаще и чаще общества разных городов переписывались друг с другом...»⁵⁴

Вряд ли возможно определить число членов компаньонажей, отмечает Собуль, имея в виду начало 1791 г., но, «вне всякого сомнения, они охватывали тогда значительную часть трудового люда, на который оказывали сильное влияние»⁵⁵.

Подчеркивая, что «возрастающая сила компаньонажей проявляется во все более и более частых схватках, которые увеличивали их авторитет в рабочем мире», Собуль уточняет при этом, что под схватками подразумеваются социальные конфликты. Он указывает на основные методы борьбы, включая стачки, «иногда согласованные между враждующими группировками (подмастерьев. — *C. C.*)». Компаньонажи все больше становились на позиции борьбы. «... Они господствовали на рынке труда..., они диктовали свою волю». И как вывод — «десятилетия, которые предшествовали революции, были апогеем в истории компаньонажей»⁵⁶.

Важно подчеркнуть, что этот процесс усиления компаньонажей Собуль доводит до 1791 г., не усматривая никакой разницы между рабочими организациями 1791 г. и компаньонажами XVIII в.

Нарисовав, казалось бы, впечатляющий «портрет» компаньонажей, Собуль не делает, однако, никаких выводов относительно *остроты* про-

⁵² Ibid., p. 394.

⁵³ Ibidem. Левассер указывает, что в 1789 г. компаньонажи имелись у рабочих 29 отраслей промышленности (*E. Levasseur. Op. cit., v. II, p. 815*). Компаньонажи, писал Матъез, существовали в основном в тех профессиях, «которые требовали ученичества, специализации, т. е. в квалифицированных профессиях». Очевидно, что эти профессии связаны со строительством (*A. Mathiez. Op. cit., p. 97*). Распространение компаньонажей в профессиях, требовавших относительно высокой квалификации, имел в виду и Ж. Мартеп, когда писал, что компаньонажи представляли «касту избранных рабочих» (*G. Martin. Les associations ouvrières au XVIII-e s. (1700—1792). Paris, 1900, p. 258—259*). Долеан считает, что компаньонажи были только у каменотесов, кузнецов, плотников и слесарей (*E. Dolléans et G. Dehove. Histoire du travail en France. Mouvement ouvrier et législation social, v. I. Paris, 1952, p. 101*). По мнению Со, компаньонажи были распространены почти исключительно в ремеслах, связанных с «Тур де Франс» (*H. Sée. Les classes ouvrières et la question sociale à la veille de la Révolution. — Annales révolutionnaires, v. XIX, 1922, p. 378*). «Накануне 1789 года насчитывалось не меньше 30 компаньонажей, — указывает Коорнар, — 35 — в 1849 г. Их число неизбежно менялось, но в довольно тесных пределах» (*E. Coornaert. Op. cit., p. 186, p. 48*).

⁵⁴ *A. Soboul. La civilisation et la Révolution française, v. 1, p. 294*.

⁵⁵ Ibidem. Собуль в данном случае почти дословно воспроизводит суждение Коорнара, который указывал, что «было бы рискованно давать какую-то общую оценку числа их (компаньонажей. — *C. C.*) членов. Но нет никакого сомнения, что их численность составляла значительную часть рабочего мира, и мы увидим, что на этом основывались их сила и влияние» (*E. Coornaert. Op. cit., p. 48*). Но тот же Коорнар неоднократно подчеркивает, что компаньонажи объединяли меньшинство, незначительное меньшинство рабочих, что даже в тех профессиях, где они существовали, они объединяли меньшую часть рабочих (*ibid., p. 296—297*). В Шартре, указывает Коорнар в другой работе, в начале XVIII в. членом компаньонажа был один рабочий из трех, а накануне революции «члены компаньонажа могли помешать работать тем, кто не принадлежал к их обществу». По мнению Матъеза, «большинство ремесленных рабочих входило в компаньонажи» (*A. Mathiez. Op. cit., p. 97*).

Основой противоречий в оценке является и в данном случае смешение «классического» компаньонажа, компаньонажа в узком смысле со всей совокупностью рабочих организаций XVIII в. во Франции.

⁵⁶ *A. Soboul. La civilisation et la Révolution française, v. I, p. 394*.

тиворечий между предпролетариатом и буржуазией накануне и в первые годы революции. Наоборот, следует вновь ряд соображений о слабости компаньонажей. «Какими бы ни были, однако, эта сила и влияние (компаньонажей. — С. С.), они были ограничены...» Автор указывает на соперничество между компаньонажами, на неполноту их «монополии» на рынке труда и приходит к выводу, что «компаньонажи оставались учреждениями прошлого, плохо приспособленными к новой действительности». «В целом компаньонажи не стремились к общему преобразованию экономики и общества и, следовательно, к необходимости поисков новых форм организации производства и труда. Унесенные революционной грозой, они тайно восстанавливаются во времена Империи, чтобы пережить еще один, последний, подъем в эпоху Июльской монархии. Промышленная революция превратила их в фольклорный пережиток»⁵⁷.

Нетрудно заметить, что, когда Собуль говорит о силе и влиянии компаньонажей в XVIII в., он стоит на почве реальных фактов. Стремясь же в итоге подчеркнуть их слабость, он вольно или невольно начинает сравнивать рабочие организации XVIII в. с рабочими организациями XX в. Как могли рабочие организации XVIII в. стремиться «к общему преобразованию экономики и общества»? С другой стороны, Собуль вновь допускает противоречия. Он сам указывает на 1791 г. как на вершину в деятельности компаньонажей, подчеркивая, что именно в это время они были наиболее многочисленными и влиятельными. Но ведь весна 1791 г. — это конец второго года революции. Как же «учреждения прошлого, плохо приспособленные к новой действительности», сумели приспособиться к такому сдвигу нового, каким была революция? И почему понадобился «государственный переворот буржуазии», антирабочий закон Ле Шапелье, чтобы покончить с компаньонажами, если они были всего лишь причудливым анахронизмом?

Сводка материала об организации рабочих во Франции в XVIII в., которую дает П. Леон в «Экономической и социальной истории Франции»⁵⁸, точно отражает современное состояние изучения этой проблемы. Правильно оценивая *объективную* роль рабочих организаций в XVIII в. в борьбе за интересы рабочих, П. Леон пишет, что часть компаньонажей были «настоящими организациями, параллельными организациям хозяев, ранними профсоюзами (*des syndicats avant la lettre*)»⁵⁹. В компаньонажах «организация рабочих достигает максимума своей силы»⁶⁰. У рабочих-бумажников раньше, чем у других рабочих, «появляется идея широких национальных федераций, открывающая по истечении очень долгого срока путь к профсоюзному движению будущего»⁶¹. «Компаньонажи являются душой рабочего движения»⁶². Конфликты, происходившие между рабочими и хозяевами во второй половине XVIII в., свидетельствовали о «рождении в некоторых избранных слоях рабочего сознания»⁶³. «В подмастерьях прошлого, — продолжает П. Леон, — начинает вырисовываться современный пролетариат»⁶⁴.

Но несколькими страницами дальше мы читаем: «Вражда брала верх над общностью интересов, и правительство поняло это так хорошо,

⁵⁷ А. Soboul. Op. cit., p. 395. И снова Собуль повторяет Коорнара. Компаньонажи, пишет Коорнар, «не могли взять на себя новаторскую задачу». Они не были готовы «предложить в еще неизвестных терминах новые формы организации труда и производства» (E. Coornaert. Op. cit., p. 50—51).

⁵⁸ «Histoire économique et sociale de la France», v. II. Paris, 1970.

⁵⁹ Ibid., p. 682. В статье М. А. Заборова и М. А. Молдавской «У истоков классовой борьбы пролетариата (Социальные движения мануфактурных рабочих)» это выражение переводится словами «профсоюзы до профсоюзов» («Рабочий класс и послевоенный мир», 1974, № 5, стр. 128).

⁶⁰ «Histoire économique et sociale de la France», v. II, p. 682.

⁶¹ Ibid., p. 681.

⁶² Ibid., p. 683.

⁶³ Ibid., p. 684.

⁶⁴ Ibid., p. 685—686.

что стало относиться к компаньонажам терпимо, премного довольное возможностью разъединять рабочих, которых оно опасалось. В конце концов, как это отмечает Е. Коорнар, все эти организации добивались только защиты уже достигнутого положения, особых привилегий; они ни в коем случае не могли служить базой для складывания подлинного профсоюзного движения»⁶⁵.

Причина этих противоречивых оценок — сведение всех рабочих организаций к «классическому» компаньонажу⁶⁶.

Говоря о положительной роли компаньонажей в жизни французских рабочих в XVIII в., П. Леон оперирует понятием «компаньонаж» в широком смысле, охватывающем все сложные, хотя и не оформленные виды рабочих организаций того времени. Вынося же затем прямо противоположное суждение о их роли, он явно говорит о компаньонажах в узком смысле слова, объединявших весьма незначительное меньшинство молодых и холостых рабочих, связанных с «Тур де Франс», с их замкнутыми организациями, приобретавшими порой характер своего рода сект. И во всем этом, как уже было сказано выше, П. Леон отнюдь не оригинален — он добросовестно следует сложившейся традиции.

Советскими историками вопрос о компаньонажах специально не исследовался. Это отмечал еще Ц. Фридланд⁶⁷, и с тех пор положение мало изменилось.

«Задачей компаньонажей, — писал в 1923 г. Н. М. Лукин, — было отстаивание подмастерьями своих интересов против мастеров. ...Оказание помощи приезжим членам в приискании работы, материальная поддержка несправедливо уволенных хозяевами, организация бойкота, стачек против хозяев, пытавшихся удлинить рабочий день, — таковы были формы деятельности этих «товариществ»⁶⁸. «Наиболее организованным слоем пролетариата в ту эпоху, — писал он в 1934 г., — являются ремесленные подмастерья, у которых уже можно проследить некоторые элементы классового сознания. Эти ремесленные подмастерья имеют свои пролетарские организации в виде тайных рабочих союзов (компаньонажей), которые руководят многочисленными стачками, идущими через весь XVIII век и особенно усиливающимися накануне революции»⁶⁹. Нетрудно заметить, что эти положения вполне соответствуют оценкам Левассера, Ковалевского и Матьеза.

В интересном очерке С. А. Лотте «Великая французская революция», вышедшем в 1933 г., рабочим организациям XVIII в. во Франции было посвящено несколько содержательных страниц.

«Хотя компаньонажи и рабочие братства еще овеяны всеми предрассудками средневековья, хотя между различными компаньонажами часто происходили ссоры вплоть до драк, как, например, в 1762 г. в Орлеане, но вместе с тем они отлично умели организоваться для совместного отпора хозяевам»⁷⁰. Лотте подчеркивала, что «дореволюционная Франция знала целый ряд крупных и мелких забастовок и других проявлений активной борьбы пролетариата»⁷¹ и связывала эту борьбу с первыми организациями французских «рабочих и подмастерьев». Примечательно,

⁶⁵ Ibid., p. 687—688.

⁶⁶ П. Леон упоминает о рабочих братствах, считая их при этом (в отличие от королевской администрации XVIII в.!) легальными организациями. Но, продолжает он, «мы очень плохо знаем деятельность всех этих организаций; можно, однако, думать, что большинство из них служило совсем иным целям, чем те, которые они открыто провозглашали» (ibid., p. 682).

⁶⁷ Ц. Фридланд. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. 2-е изд. М., 1959, стр. 417.

⁶⁸ Н. Лукин (Н. Антонов). Новейшая история Западной Европы. Учебник для вузов и губсовпартшкол. Вып. 1, изд. 2-е. М.—Л., 1925, стр. 89.

⁶⁹ Н. М. Лукин. Ленин и проблема якобинской диктатуры.— Н. М. Лукин. Избранные труды, т. 1. М., 1960, стр. 349.

⁷⁰ С. А. Лотте. Великая французская революция. М.—Л., 1933, стр. 35.

⁷¹ Там же, стр. 34.

что С. А. Лотте ставила вопрос именно о рабочих организациях — компаньонажах и рабочих братствах. Ей принадлежит и важное наблюдение о попытках мелких предпринимателей, «хозяйчиков» создавать свои собственные организации для отпора компаньонажам⁷².

«Компаньонажи были организующим ядром при проведении бойкотов мастеров, стачек и всей борьбы за улучшение условий труда и заработной платы», — говорится в статье «Компаньонажи» в первом издании «Большой советской энциклопедии»⁷³.

Наряду с этими оценками компаньонажей как организаций рабочих-подмастерьев, сыгравших важную роль в борьбе рабочих XVIII в. против эксплуатации, и непосредственных предшественников профсоюзов XIX в. в 30-х годах появились и оценки другого рода. Исходя из узко понятого тезиса о том, что пролетариат как класс в XVIII в. отсутствовал, что в эпоху революции 1789—1794 гг. он не был и не мог быть самостоятельной политической силой, многие советские историки в своих работах 30—40-х годов подчеркивали не относительную зрелость, силу французских рабочих в XVIII в., а как раз их безусловную слабость. Говоря о компаньонажах, они делали упор на то, что это были организации подмастерьев (с подразумевающимся противопоставлением понятий «подмастерье» и «рабочий»), настойчиво подчеркивали драки между этими подмастерьями и в целом явно недооценивали роль рабочих организаций XVIII в. во Франции.

Уже в учебнике по новой истории для вузов, изданном в 1939 г., о компаньонажах говорилось только, что они были «тайными обществами, часто враждовавшими между собой»⁷⁴. Авторы коллективного труда «Французская буржуазная революция», признавая, «что широкое развитие тайных рабочих организаций являлось чрезвычайно важным фактом исторического развития Франции XVIII в.», в явном противоречии с этим отмечали *только* взаимную враждебность компаньонажей, которая «свидетельствовала, конечно, о крайне низком уровне классового самосознания»⁷⁵.

В советской исторической литературе последних лет компаньонажи и их деятельность получают более объективную оценку. Б. Ф. Поршнев справедливо рассматривал вопрос о роли компаньонажей в XVII—XVIII вв. в связи с эволюцией ремесленного цеха. «Ремесленный цех, сохраняясь еще как фискальная и административная организация, служил уже лишь слабым препятствием экономической дифференциации ремесленников. Одни мастера беднели, пролетаризировались, другие богатели, раздавали заказы на сторону или расширяли свои мастерские, используя все большее число «подмастерьев» и «учеников», под средневековыми наименованиями которых нетрудно разглядеть наемных рабочих». Он подчеркивал капиталистический характер эксплуатации не только рабочих мануфактур, но и ремесленных подмастерьев. «Роль зачинщика в этой вечно беспокойной плебейской массе играли подмастерья. Они были организованы по профессиям в старинные тайные союзы — «компаньонажи». Стачки против хозяев-мастеров случались во Франции в течение второй половины XVII в. все чаще...»⁷⁶

К вопросам истории предпролетариата в 50-х годах вернулась С. А. Лотте. К сожалению, преждевременная смерть помешала ей подве-

⁷² С. А. Лотте. Указ. соч., стр. 36.

⁷³ «Большая советская энциклопедия» (далее — БСЭ), 1-е изд., т. 33, 1938, стр. 847—848. Автором этой заметки был Б. Ф. Поршнев. См. «История и историки». М., 1966, стр. 378.

⁷⁴ «Новая история», ч. 1. Под ред. Е. В. Тарле и др. М., 1939, стр. 50.

⁷⁵ «Французская буржуазная революция» 1789—1794. Под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.—Л., 1941, стр. 8. Этот раздел был написан Ф. В. Потемкиным.

⁷⁶ «Новая история», т. 1, 1640—1789. Под ред. В. В. Бирюковича и др. 1951, стр. 178—179, 215. См. также: Б. Ф. Поршнев. Народные восстания при Кольбере.— «Средние века». Вып. II, 1946, стр. 403.

сти итоги своих интересных исследований. В содержательной статье «Республиканское сословие» С. А. Лотте раскрыла облик организации рабочих-бумажников, показав эффективность этой рабочей организации XVIII в. в борьбе с предпринимателями⁷⁷. О союзах подмастерьев как боевых ассоциациях, «которые нередко выступали инициаторами забастовок с целью повышения заработной платы или помешать ее понижению», пишет А. И. Коробочко⁷⁸.

В статье М. А. Заборова и М. А. Молдавской «У истоков классовой борьбы пролетариата (Социальные движения мануфактурных рабочих)»⁷⁹ справедливо подчеркивается, что пролетариат проходит долгий путь становления, что и выступления рабочих этого периода, и их организации во многом противоречивы, что нельзя ни ставить знак равенства между теми же компаньонажами XVIII в. и современными профсоюзами, ни абсолютно противопоставлять их друг другу⁸⁰. Авторы акцентируют внимание на том, что рабочие организации во Франции в XVIII в. были прежде всего организаторами борьбы рабочих против хозяев. «...Будучи союзами взаимопомощи, компаньонажи и различные товарищества в определенной мере уже брали на себя функции организаторов забастовок, то есть выполняли задачи, которые впоследствии станут профсоюзными. И в этом смысле такие организации действительно можно называть «профсоюзами до профсоюзов»⁸¹.

Вместе с тем Заборов и Молдавская, как и очень многие авторы до них, не обращают должного внимания на эволюцию компаньонажей, на принципиальное отличие компаньонажей XIX в. от компаньонажей XVII и XVIII вв. Говоря о наличии, кроме компаньонажей, рабочих братств, авторы в отличие от С. А. Лотте не выявляют специфики этих организаций⁸². Широко используя книгу Коорнара, Заборов и Молдавская даже не упоминают книгу Шове. Все это приводит к некоторому упрощению картины рабочего движения во Франции накануне революции конца XVIII в., затрудняет понимание того, как рабочие организации XVIII в. во Франции могли быть общей основой и для зашедших в тупик в XIX в. компаньонажей, и для появления и развития современных профсоюзов.

Нетрудно заметить, что в оценке историками характера и роли компаньонажей в XVIII в. большую роль играет вопрос о вражде между компаньонажами.

Компаньонажи объединяли рабочих-подмастерьев в рамках того или иного города (и его окрестностей) по профессиям, которые разграничивались тогда, благодаря наличию цехов, весьма четко. Компаньонажи рабочих одной и той же профессии разных городов порой поддерживали связи друг с другом (а иногда даже с аналогичными союзами за пределами Франции). В ремеслах, где существовал «Тур де Франс», возникали своего рода общепрофессиональные федерации компаньонажей по профессиям⁸³.

⁷⁷ С. А. Лотте. Республиканское сословие (Из истории французского предпролетариата XVIII в.). — «Французский ежегодник. 1960». М., 1961, стр. 358—369.

⁷⁸ А. И. Коробочко. Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в. — «Французский ежегодник. 1965». М., 1966, стр. 46.

⁷⁹ М. А. Заборов, М. А. Молдавская. Указ. соч. — «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 5, стр. 119—131.

⁸⁰ Там же, стр. 123—124.

⁸¹ Там же, стр. 128.

⁸² Там же, стр. 123.

⁸³ «Тур де Франс», — пишет Коорнар, — как и многие термины, обычные в компаньонажах, имел несколько значений. Он означал прежде всего путешествие, маршрут; он означал также и эшелонированные комплексы обществ и моральную власть, которой располагало каждое из них и которой располагали они в совокупности. Речь идет сперва о профессиональных обществах в национальном масштабе — Тур де Франс столяров, сапожников и т. д., потом о совокупности всех тех, которые принадлежали к одной группе (rite) — Тур де Франс «дю деувар», наконец, о сооб-

Кроме того, существовали объединения компаньонажей в зависимости от того или иного легендарного их основателя и различий в ритуале приема в члены союза, в его обычаях. До середины XVIII в. существовали три группы, три «девуара» компаньонажей⁸⁴. Это так называемые «дети Соломона», или «гаво», «дети мастера Жака» и «дети мастера Субиза». Две последние группы в середине XVIII в. объединились⁸⁵ и выступали под названием «подмастерья долга», подмастерья «дю девуар» (*du Devoir*).

Выше уже говорилось, что накануне революции 1789—1794 гг. компаньонажи (и другие рабочие организации) существовали у рабочих 29—30 ремесел, профессий. Однако две соперничавшие между собой группы — «гаво» и «дю девуар» — существовали среди подмастерьев всего лишь шести ремесел — каменотесов, столяров, слесарей, кузнецов, плотников и шляпников. Во всех остальных ремеслах компаньонажи принадлежали к одной и той же группе — «дю девуар», которая таким образом абсолютно преобладала в рамках французского компаньонажа, взятого в целом⁸⁶. Группа же «гаво», по словам Левассера, «была наименее многочисленной»⁸⁷.

Итак, когда речь идет о взаимной вражде между компаньонажами, для правильного определения масштабов этой борьбы и ее отрицательных последствий надо учитывать, что она шла не между относительно равными группами компаньонажей, а между их большинством, относящимся к группе «дю девуар», и весьма незначительным меньшинством, которое составляло группу «гаво»⁸⁸.

Каковы же были причины столкновений между компаньонажами различных групп? Многие исследователи склонны видеть главную причину вражды в легендах о происхождении каждой из групп компаньонажей, в различии ритуалов приема и других обрядов. Причина вражды — «ничтожные вопросы масонской догмы», писал Инар⁸⁹.

Эту точку зрения подверг критике еще Матвез. «В этих ссорах с драками, — писал он, — обычно хотят видеть только соперничество, внутреннее самым узким кастовым духом. Если бы изучили его истинную причину, увидели бы, быть может, что у этих раздоров были более уважительные мотивы, что они не раз были вызваны нарушением корпоративной солидарности. Ордонанс полиции Орлеана 1767 г. гласил: «...дух ненависти и озлобления между подмастерьями различных ассоциаций проявился в насилиях, которые они учиняют одни против других,

пестве всех этих организаций. В каждой из этих группировок Тур де Франс является властью, способной принять решение, которое вытекает из мнения большинства, выясняемого путем переписки или высказываемого собранием квалифицированных представителей. Если группы (*rites*) могли казаться семьями, общества Тур де Франс могут быть сопоставлены с нашими федерациями профсоюзов» (*E. Coornaert. Op. cit., p. 188*). «До середины XIX в. в большинстве ремесел подмастерье должен был предпринять его (Тур де Франс, в данном случае — путешествие. — С. С.) в течение трех месяцев после посвящения» (*ibid., p. 189*).

⁸⁴ Среди историков нет единообразия в обозначении групп компаньонажей. Их именуют сектами или «девуарами» (Инар), ассоциациями или «девуарами» (Сен-Леон), группами или федерациями (Бондуа). Матвез употребляет термин «ordres», Соро и Собуль — «initiation», Бризон и Коорнар — «rites», Лефевр — «observances». Лотте и Коробочко, а также Брюа говорят об «объединениях».

⁸⁵ *E. Levasseur. Op. cit., v. II, p. 814—815; E. M. Saint-Léon. Histoire des corporations des métiers depuis leurs origines jusqu'à leurs suppression en 1791. Paris, 1914, 4-me éd. p. 505.*

⁸⁶ В 1785 г. существовало 26 компаньонажей (по профессиям) «дю девуар» (*E. Coornaert. Op. cit., p. 226*).

⁸⁷ *E. Levasseur. Op. cit., v. II, p. 814—815.*

⁸⁸ Коорнар указывает, что имели место столкновения и в пределах одной группы, одного «девуара» между подмастерьями различных ремесел. «...Доброта и великодушные были абсолютным правилом только между подмастерьями одного и того же «девуара» или даже ремесла» (*E. Coornaert. Op. cit., p. 243*). «Братство слишком часто ограничивалось рамками профессии» (*ibid., p. 315*).

⁸⁹ *E. Isnard. Documents inédits sur l'histoire des compagnonnages à Marseille aux XVIII-e siècle. Paris, 1916, p. 210.*

но чаще всего они объединяются, чтобы учинить их против подмастерьев, которые не хотят вступить ни в одну из ассоциаций». Конец характерен: «гаво» и «деворан»⁹⁰ объединяются против «лисиц». Они часто договариваются и о совместном проведении стачек»⁹¹.

Солидарные действия компаньонажей соперничающих групп против хозяев имели место в 1726 г. в Марселе⁹², в 1730 г.— в Лангедоке⁹³, в 1768 и 1770 гг.— в Туре⁹⁴, в 1783 г.— в Монтобанае⁹⁵, в 1785 г.— в Мулене.

По существу главная причина столкновений между группами компаньонажей — борьба со штрейкбрехерством, стремление сохранить за собой тот фактический контроль над наймом и увольнением рабочих-подмастерьев, который, возможно, был главным инструментом в борьбе между подмастерьями и хозяевами в XVIII в.

Инар приводит интересный документ, иллюстрирующий это положение (и явно противоречащий его собственной концепции). В 1726 г. властям Марселя пришлось расследовать жалобу «от многих мастеров-столяров на то, что подмастерья того же ремесла, именуемые *дю деувар*, не стыдятся оскорблять тех, кто именуется *гаво*, прибывающих работать в этот город, и обходятся с ними настолько плохо, запрещая им работать у какого-либо мастера, что они вынуждены уходить; и все это с целью заставить мастеров испытывать в них (подмастерьях.— *С. С.*) нужду и вымогать (большую.— *С. С.*) заработную плату»⁹⁶.

Тот же Инар опубликовал документы о рабочих волнениях 1787 г. в Марселе, когда 400 или 500 подмастерьев «дю деувар» столкнулись с носильщиками, которые отказались прекратить работу⁹⁷.

Наряду с конкуренцией при найме на работу и борьбой против штрейкбрехерства во вражде между «девуарами» играли определенную роль религиозные мотивы, а также происхождение из определенной местности. Сказывались и откровенные предрассудки. Левассер указывает на очень важную деталь, относящуюся к составу «гаво»: «Так как они допускали рабочих любого вероисповедания, то пополняли свои ряды в значительной мере за счет протестантов Юга»⁹⁸. Интересно сопоставить это обстоятельство с особенно частыми и ожесточенными столкновениями групп «дю деувар» и «гаво» в Марселе.

Трудно предположить, наконец, что вражда между группами компаньонажей не подогревалась и не использовалась в своих интересах ма-

⁹⁰ Одно из названий подмастерьев, принадлежавших к группе «дю деувар».

⁹¹ *A. Mathiez. Op. cit., p. 99.*

⁹² «Случаи коалиций «профсоюзов (*syndicats*) между собой» имели место в XVIII в., несколько раз даже между «гаво» и «девуарами» к удивлению мастеров и должностных лиц, которые об этих случаях сообщали: так было в Марселе в 1726 г., в Монпелье — в 1730 г., в Дижоне и Туре — в 1768 г., в Мулене — в 1785 г.» (*E. Coornaert. Op. cit., p. 48.*) Этот отрывок дословно заимствован Собулем: «Установились связи между обществами (рабочих.— *С. С.*) одного и того же города, иногда даже между «девуарами» и «гаво», соперничающими «девуарами» к удивлению мастеров и должностных лиц: так было в Дижоне и в Туре в 1768 г., в Мулене — в 1785 г.» (*A. Soboul. La civilisation et la Révolution française, p. 384.*)

⁹³ «В 1730 г. губернатор Лангедока указывал на соглашение подобного рода (между соперничающими компаньонажами.— *С. С.*): «таким образом, они объединились там одни против других и все вместе против мастеров-столяров...» (*E. Levasseur. Op. cit., v. II, p. 814—815.*)

⁹⁴ *C. A. Lorre. Великая французская революция, стр. 35.*

⁹⁵ «...В 1783 г. возник инцидент между мастерами-столярами и двумя ассоциациями, «деворан» и «гаво». Хозяева, которым угрожала стачка, жаловались муниципалитету, который запретил эти ассоциации...» (*D. Ligou. Montauban à la fin de l'Ancien Régime et aux débuts de la Révolution, 1787—1794. Paris, 1958, p. 132.*)

⁹⁶ *E. Isnard. Op. cit., p. 187—188.*

⁹⁷ *Ibid., p. 199—200.*

⁹⁸ *E. Levasseur. Op. cit., v. II, p. 814—815.* «Традиция, всегда живая среди подмастерьев...— пишет Коорнар,— приписывает «гаво» особые симпатии к Реформам (т. е. протестантам.— *С. С.*), а «девуараны» до середины XIX в. допускали в свои ряды в соответствии с их уставами только католиков» (*E. Coornaert. Op. cit., p. 40—41.*)

стерами, хозяевами и даже властями⁹⁹, хотя в отдельных случаях они и сгуют на «беспорядки», связанные с этой враждой.

Представляет интерес точное наблюдение Ж. Лефевра, который указывал, что объединение компаньонажей рабочих многих ремесел в рамках группы «дю деувар» разрушало «корпоративную ограниченность»¹⁰⁰. Там, где Инар и многие другие видели в отношениях между подмастерьями преобладание «свирепой ненависти»¹⁰¹, Лефевр сумел разглядеть преобладание противоположной тенденции — к единению.

Компаньонажи не были единственной формой рабочих организаций в XVIII в. Как указывал Левассер, первой формой самостоятельных организаций подмастерьев были братства (*confréries*)¹⁰². В рамках средневекового цеха часто существовали религиозные братства, которые первоначально объединяли всех членов цеха, включая подмастерьев и даже учеников. В дальнейшем, по мере возникновения и углубления расслоения внутри цеха, доступ подмастерьям в эти братства закрывается. И тогда возникают тайные братства одних только подмастерьев, а затем уже компаньонажи.

После возникновения компаньонажей братства подмастерьев не исчезли. Они существовали в XVIII в. в Париже, Лионе, Марселе, Лилле, Гренобле, Невере и многих других городах¹⁰³. Братства объединяли бумажников, печатников, переплетчиков, вязальщиков, кровельщиков, носильщиков, шляпников, камешотесов, плотников, шорников, угольщиков, лесорубов, возчиков, плавильщиков и т. д.

Многие авторы употребляют термины «компаньонаж» и «братство» в самом широком смысле — для обозначения организаций рабочих-подмастерьев и даже рабочих организаций XVIII в. вообще. Естественно что эти термины вольно или невольно превращаются у них в синонимы. К этим авторам можно отнести Гастона Мартена, Кунова, Бризона, Жака, Тренара, Собуля и других.

Ж. Мартен¹⁰⁴, Рушон¹⁰⁵ и Коорнар считают, что братства — это своего рода удобная маска, которую были вынуждены надевать преследуемые мастерами и полицией компаньонажи.

Наконец, третья группа исследователей подчеркивает, что компаньонажи и братства — особые, отнюдь не тождественные организации французского предпролетариата.

Считая братства первой формой рабочих организаций во Франции, Левассер вместе с тем полагал, что в XVIII в. братства были весьма немногочисленными организациями и притом не столько рабочими, сколько филантропическими¹⁰⁶. Близкую к Левассеру точку зрения сформулировал и Матъез. Он писал, что существование рабочих обществ взаимопомощи, рабочих братств — «это показатель процветания, так как это доказывает, что рабочий может сэкономить что-то на своей зарплате»¹⁰⁷. Матъез имел в виду, что взносы рабочих на цели взаимной помощи были

⁹⁹ «Histoire économique et sociale de la France», v. II, p. 687—688.

¹⁰⁰ G. Lefebvre. *Etudes orléanaises*, v. I. Paris, 1962, p. 223—224.

¹⁰¹ «Подмастерья были разделены на различные секты, или «деувары»; далекие от симпатии друг к другу, подмастерья различных «деуваров» исповедовали друг к другу свирепую ненависть, выражавшуюся в ссорах, в стычках, иногда со смертельными случаями» (E. Isnard. *Op. cit.*, p. 186).

¹⁰² E. Levasseur. *Op. cit.*, v. II, p. 828—829.

¹⁰³ Ibidem; E. Dolléans et G. Debove. *Op. cit.*, v. I, p. 106; A. Saint-Léger. *Histoire de Lille des origines à 1789*. Lille, 1942, p. 392.

¹⁰⁴ G. Martin. *Op. cit.*, p. 22.

¹⁰⁵ G. Rouchon. *Grèves des ouvriers papetiers de Thiers au XVIII-e siècle*. — «Revue d'Auvergne», v. II. Clermont-Ferrand, 1889. Цит. по: С. А. Лорте. Из истории французского предпролетариата XVIII века. — «Новая и новейшая история», 1962, № 2, стр. 110.

¹⁰⁶ E. Levasseur. *Op. cit.*, v. II, p. 828—829.

¹⁰⁷ A. Mathiez. *Op. cit.*, p. 105.

возможны лишь в том случае, если их зарплата хоть немного превышала голодный минимум.

Надо иметь в виду, что все рабочие организации в предреволюционной Франции были так или иначе связаны с квалифицированными и относительно высокооплачиваемыми рабочими. Компанияжи взимали со своих членов многочисленные и сравнительно высокие взносы и сборы, доступные, видимо, лишь рабочим, еще не обремененным семьей. Взносы и сборы в рамках рабочих братств были во всяком случае не выше, чем в рамках компанияжей.

Разграничивая братства и компанияжи, Сэ указывал вместе с тем, что братства, общества взаимопомощи могли быть прикрытием для обществ борьбы¹⁰⁸. Такую же точку зрения сформулировал позднее Ж. Лефевр¹⁰⁹. Самостоятельными рабочими организациями считали рабочие братства и компанияжи Пикар и Эйм¹¹⁰.

Долеан подчеркнул, что «существовали, следовательно, уже объединения рабочих, отличные от компанияжей в строгом смысле слова — с их секретными обрядами и посвящением». Как на пример такой организации он указывал на братство бумажников¹¹¹.

«Братства, — писал в 1952 г. Брюа, — носили религиозный характер и объединяли своих членов по религиозному признаку... Братства организовывали систему взаимной поддержки, и под видом обществ взаимопомощи они иногда являлись инициаторами забастовок». Но, по мнению Брюа, «накануне революции, в XVIII в., они уже утратили свое значение, и их деятельность прекратилась», а «союзы подмастерьев (компанияжи), напротив, стали еще более активны»¹¹².

Четко разграничивает и даже пытается сравнивать братства и компанияжи Пассе. Он видит различие между ними в том, что братства стремились «к взаимопомощи и солидарности», а компанияжи были «организациями борьбы в истинном смысле слова». Впрочем, заключает он, и братства и компанияжи «лишь очень незначительно напоминали наши современные профсоюзы: это были настоящие секты, где сложный ритуал, принимавший таинственные формы, занимал большое место»¹¹³. Таким образом, по вопросу о приеме в братства Пассе высказывает суждение, прямо противоположное мнению Долеана.

Весьма существенна точка зрения Шове, который делает свои выводы на основе детальнейшего изучения истории рабочих-печатников за много веков. Шове прямо говорит, что рабочее братство парижских печатников в XVIII в. не было организацией типа компанияжа. Он подчеркивает, что полиция, наблюдавшая за подмастерьями-печатниками особенно пристально, не упустила бы случая прибавить к перечню их проступков принадлежность к компанияжу¹¹⁴.

Разрабатывая проблемы, связанные с французским предпролетариатом накануне революции конца XVIII в., С. А. Лотте уделяла немало внимания и первым рабочим организациям. Одна из ее работ была посвящена рабочим-бумажникам и их интересной организации¹¹⁵. Возможно, что именно это привело С. А. Лотте к очень четкой постановке вопроса

¹⁰⁸ *H. Séé*. Op. cit., p. 379—380.

¹⁰⁹ *G. Lefebvre*. La Révolution française. Paris, 1951, p. 58.

¹¹⁰ *R. Picard*. Les cahiers de 1789 et les classes ouvrières. Paris, 1910, p. 98; *J. Hayem*. La répression des grèves au XVIII-e siècle. Paris, 1911, p. 125.

¹¹¹ *E. Dolléans et G. Dehove*. Op. cit., v. I, p. 106, 109.

¹¹² *Ж. Брюа*. Указ. соч., стр. 75.

¹¹³ *R. Passet*. L'industrie dans la généralité de Bordeaux sous l'intendant Tourny (Contribution à l'étude de la décadence du système corporatif au milieu du XVIII-e siècle). Bordeaux — Paris, 1954, p. 132.

¹¹⁴ *P. Chauvet*. Les ouvriers du livre en France des origines à la Révolution de 1789. Paris, 1959, p. 447.

¹¹⁵ *С. А. Лотте*. Республиканское сословие. — «Французский ежегодник. 1960», стр. 358—369.

о паличии у французских рабочих в XVIII в. организаций разного типа. «Хорошо известно, что кроме компаньонажей, которые, впрочем, часто играли несколько ограниченную роль, существовали еще и другие организации, например ассоциации рабочих-бумажников»¹¹⁶.

Основное и решающее отличие этих ассоциаций от компаньонажей Лотте видела в том, что «организации рабочих-бумажников не связывали свое происхождение с какими-либо легендами, не придерживались различных обрядов... В отличие от компаньонажей ассоциации рабочих-бумажников не были расколоты»¹¹⁷. «Рабочие-бумажники соединили в себе дух наиболее боевых компаньонажей со свободой от цеховых пут и компаньонажных предрассудков»¹¹⁸.

Как же выглядела деятельность братств? Исследования Шове позволяют проследить деятельность братств французских печатников и переплетчиков в XVIII в.

Братство парижских подмастерьев-печатников упоминается в документах на протяжении всего XVIII в. Братство было, конечно, запрещено, но эти запреты неоднократно возобновлялись, свидетельствуя лишь раз о том, что оно продолжало существовать.

Собирались рабочие-печатники неизменно в одном из помещений монастыря Сен-Жан де Латран. В бурном для парижских рабочих 1724 г. собрания были частыми. «Собравшись... они договариваются сообща о том, чтобы заставить увеличить плату за работу». «Подмастерья подготовили общее собрание братства, но тайна была разглашена. ...Несколько хозяев пришли к синдикату (цеха.— С. С.), утверждая, что на прошлой неделе в их типографиях и во всех остальных оказался листок, призывающий рабочих в Сен-Жан де Латран на последнее воскресенье...»¹¹⁹. В постановлении Государственного совета по поводу этих событий указывалось, в частности, что «хозяева, которые в будущем допустят в своих мастерских то ли складчину, то ли вывешивание объявлений, принадлежащих рабочему братству, будут... подвергнуты штрафу в три тысячи ливров»¹²⁰.

Братство печатников довольно эффективно контролировало наем и увольнение подмастерьев. В 1701 г. оно выступило против некоего Этьена Олинье, пытавшегося устроиться подмастерьем в типографию. Олинье «удалось наняться к парижскому мастеру-типографу Гру... который тотчас подвергся бойкоту со стороны братства, добившегося его (Олинье.— С. С.) увольнения и угрожавшего разорить всякого хозяина, который предоставил бы ему впоследствии работу». Как на виновника своих злоключений Олинье указывал на группу подмастерьев «под главенством одного из них, именуемого Бопре, который, как кажется, был одним из руководителей братства»¹²¹.

Печатники оказывали постоянную помощь больным и престарелым. Двух «сотоварищей» уполномочивают собирать пожертвования, «они это делают, и больной получает сумму без предварительных хлопот и, особенно, без унижения достоинства». Старики и немощные должны были приходиться за пособием в типографии¹²².

В 1785—1786 гг. у рабочих-печатников происходят очередные острые стычки с хозяевами по вопросу о расценках. «Комиссар (полиции.— С. С.) начал свой обход с типографии Ниона. Хозяин-типографщик рассказал ему о том, что произошло у него и как 11 его рабочих пред-

¹¹⁶ S. A. Lotté. A propos de l'article de George Rudé.— «Critica storica», fasc. 4.— Anno 1—1962. Messina — Firenze, p. 338.

¹¹⁷ С. А. Лотте. Республиканское сословие.— «Французский ежегодник. 1960», стр. 368.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ P. Chauvet. Op. cit., p. 168—169.

¹²⁰ Ibid., p. 162.

¹²¹ Ibid., p. 447—448.

¹²² Ibid., p. 188, 445.

почли его покинуть, чем остаться без прибавки. Вслед за этим остаток персонала организовал собрание в самой мастерской». На этом собрании один из подмастерьев зачитал отпечатанное постановление «палаты наборщиков» — организации, которая была, видимо, чем-то вроде руководящего центра братства печатников¹²³. Постановление предусматривало, что рабочий, уволенный за отказ от штрейкбрехерства, «будет обеспечен другими рабочими, которые устроят по этому случаю складчину...» Комиссар Шенон «...подозревал, что «палата наборщиков» собирается у некоего Легра, торговца вином, улица Сеп-Жак, но он не мог найти (допрашивая рабочих.— С. С.) ни малейшего указания, чтобы подтвердить свои подозрения, и был вынужден удалиться с тощей добычей»¹²⁴.

«Бесспорно,— пишет Шове,— что рабочее братство пользовалось большим авторитетом среди рабочих Парижа. Причиной этого был, по его мнению, дух солидарности и традиция, «которая заставляла всех членов братства образовывать сплоченный блок против отказывающихся подчиниться тому, что мы называем сегодня синдикальной дисциплиной...»¹²⁵

А вот другой эпизод из истории организации парижских рабочих-переплетчиков, близких к печатникам. О нем мы узнаем из доноса, который начинается с характерной жалобы, что подмастерья стали «слишком дорогими» и ставят себя «на одну доску с хозяевами». Автор доноса прямо указывает на источник зла — наличие у рабочих организации. «...Подмастерья устроили свою кассу, в которую они отдают по четыре су в неделю, чтобы, говорят они, помогать своим товарищам, если они заболевают; они встречаются каждый месяц, чтобы уплачивать взносы, и каждый год заставляют отчитываться казначея, избираемого из их среды...»

Донощик сообщал, что на воскресенье 7 мая 1757 г. назначено очередное годовое собрание переплетчиков (вместе с женами!). «Необходимо пресечь это злоупотребление, так как именно там ведутся речи против хозяев; спрашивают друг друга, кто сколько зарабатывает; это приводит к тому, что зарабатывающие меньше других требуют прибавки у своих хозяев». Собрание продолжалось обычно два дня. В понедельник участники «обмениваются взаимной клятвой... подстрекают своих товарищей не возвращаться к работе у своих хозяев...»¹²⁶

Пять лет спустя руководители организации переплетчиков пытались добиться ее легализации, а в 1776 г. эта организация явно была инициатором и руководителем одной из самых примечательных стачек XVIII в. во Франции, поразившей многих современников своей подготовкой и организованностью.

Рабочие-переплетчики требовали сокращения продолжительности рабочего дня с 16 до 14 часов. В стачке участвовали как рабочие, так и работницы. В один из понедельников октября 1776 г. ни в одной из мастерских не оказалось на месте ни одного рабочего. У стачечников имелась касса, они заручились поддержкой нескольких трактирщиков, которые обещали им кредит. Стачка была сломлена лишь энергичным вмешательством властей, арестовавших шесть «зачинщиков»¹²⁷. «Все эти наблюдения (связанные со стачкой переплетчиков.— С. С.) предполагают необходимым образом существование стачечного комитета, аналогичного тем, какие существуют в наши дни при подобных обстоятельствах,— пишет Шове,— и не исключается предположение, что этот комитет мог

¹²³ Шове указывает, что цитируемый документ — единственный, где упоминается эта организация.

¹²⁴ P. Chauvet. Op. cit., p. 199—200.

¹²⁵ Ibid., p. 447—448.

¹²⁶ Ibid., p. 348—349.

¹²⁷ P. Chauvet. Op. cit., p. 352—353; J. Hayem. Op. cit., p. 113. «Вот, следовательно,— писал М. Руфф,— общая стачка корпорации (в смысле — всех рабочих одной профессии.— С. С.), методически, серьезно организованная и осуществленная так согласованно, как редко удается современным профсоюзам» (M. Rouff. Une grève de gagne-deniers en 1786 à Paris.— «Revue historique», 1910, N 105, p. 333—334).

располагать фондами ассоциации (организации рабочих-переpletчиков.— *С. С.*), о которых шла речь раньше»¹²⁸.

И наконец, страничка из нелегкой истории «Лионской рабочей общины» — организации, подобной парижскому братству печатников. В 1718 г. хозяевам удалось узнать, что на 2 октября в монастыре Кармелитов назначено собрание рабочих. Полиция с готовностью организовала налет. Участники налета «нашли несколько подмастерьев-печатников». Судебный пристав тут же «арестовал Жана Батиста Эссантена, одного из упомянутых подмастерьев и руководителя упомянутого собрания, у которого оказалась маленькая книжка из белой бумаги, без переплета, состоящая из двенадцати листов, на первом из которых были написаны следующие слова: регистр на 1718 г., ... регистр содержал имена упомянутых подмастерьев упомянутого собрания в алфавитном порядке в числе сорока одного»¹²⁹.

Организация рабочих-бумажников в XVIII в. привлекала к себе большое внимание современников. Ассоциация бумажников имела форму братства. «...Отсутствие ритуала посвящения и ее (ассоциации.— *С. С.*) форма религиозного братства отличает ее, действительно, от группировок типа компаньонажа (*les groupements compagnonniques*)»¹³⁰. Члены братства бумажников не примыкали ни к одной из ветвей компаньонажа, не участвовали в «Тур де Франс», не имели особых прозвищ (что было широко распространено среди членов многих компаньонажей)¹³¹.

Организация бумажников отличалась особой сплоченностью¹³², а главное — решительностью и эффективностью действий. Хозяева обвиняли рабочих-бумажников, что они создали «своего рода небольшое республиканское государство внутри монархии»¹³³. В 1777 г. предприниматели утверждали, что рабочие «объединены в общую ассоциацию, с помощью которой они останавливают по своей воле эксплуатацию бумажных предприятий или содействуют ей, и тем самым от их воли зависит успех или разорение предпринимателей...»¹³⁴ В 1780 г. один из крупных предпринимателей жаловался, что рабочие-бумажники «остановили производство и поддерживают друг друга, организовав настоящий совет, который... распоряжается трудящимся населением Вуарона и Риве»¹³⁵.

Рабочие-бумажники реально контролировали наем рабочей силы. Они не только оборонялись, но в отдельных случаях наступали на хозяев. Они штрафовали их, организовывали эффективный бойкот отдельных

¹²⁸ *P. Chauvet*. *Op. cit.*, p. 353.

¹²⁹ *Ibid.*, p. 229—230.

¹³⁰ *E. Dolléans et G. Dehove*. *Op. cit.*, v. I, p. 109. «Бумажники были заняты в новой профессии,— пишет Коорнар.— Верно, что подмастерья их никогда не признавали. Однако сходство заходило весьма далеко, и действия этих побочных (*marginaux*) группировок определенно имитировали действия настоящих компаньонажей... Хотя их (бумажников.— *С. С.*) братства оставались на границах компаньонажей, их близкое родство с ними толкает на сравнения... Их размещение полностью отличалось от географии компаньонажей... Губернаторы и интенданты Лангедока и Оверни, власти Иль де Франса и Лимузена без конца путали их ассоциации с компаньонажами. В Шампани, в Труа в 1789 г. их братство было квалифицировано как «девуар компаньонажа». ...Эти побочные группы (братства бумажников.— *С. С.*) в одно и то же время с подлинными компаньонажами вели повсюду в рамках профессии те же схватки, что и эти последние» (*E. Coornaert*. *Op. cit.*, p. 210—212). Анализ особенностей организации бумажников по сравнению с компаньонажами, данный *С. А. Лотте*, приведен выше.

¹³¹ Коорнар утверждает обратное: «Они одобрили обычай давать прозвища, подражая в этом деуарам» (*E. Coornaert*. *Op. cit.*, p. 210—212).

¹³² «Расположение «мельниц» определялось реками, течение которых приводило их в движение: многие заведения располагались по течению одной и той же реки; связи между трудящимися были легки, и это соседство в значительной мере способствовало упрочению их солидарности...» (*ibid.*, p. 211).

¹³³ *G. Lefranc*. *Histoire du travail et des travailleurs*. Paris, 1957, p. 245.

¹³⁴ *Ibid.*, p. 124.

¹³⁵ *P. Léon*. *La naissance de la grande industrie en Dauphiné (fin du XVIII-e siècle — 1869)*. Gap, 1954, p. 308.

предпринимателей и, по мнению современников и историков, были способны на организацию стачек в масштабах областей и даже всей страны¹³⁶. Стачка рабочих-бумажников Ангумуа в 1750 г. продолжалась 4 месяца и закончилась заключением своего рода коллективного договора¹³⁷.

Современники, включая королевскую администрацию, считали, что братство бумажников было общепанцузской организацией. С этим соглашается большинство исследователей¹³⁸. Соро высказал, сверх того, предположение, что у бумажников были в масштабах всей Франции руководители и особый трибунал, окруженные глубокой тайной¹³⁹. Однако, по мнению С. А. Лотте, «... существование всеобщей ассоциации представляется... недоказанным». «... Утверждение о ее существовании объясняется, очевидно, страхом, вызванным у современников активными и солидарными действиями рабочих бумажной промышленности»¹⁴⁰.

Своеобразие организации рабочих-бумажников во многом объясняется особенностями их положения. Бумажники были квалифицированными рабочими. В XVIII в. их постоянно не хватало. Это нашло свое отражение в ряде привилегий, установленных для них властями: освобождение от уплаты талли, от постоя и т. д.¹⁴¹ Вместе с тем труд бумажников был особенно изнурительным и тяжелым. Все это — в первую очередь отсутствие безработицы — и позволило рабочим-бумажникам создать свою сильную организацию и вести в отдельных случаях наступательную борьбу с предпринимателями. «Рабочие-бумажники, вне всякого сомнения, были среди наилучшим образом организованных; необходимо отметить, что речь идет о рабочих мануфактур»¹⁴².

Подведем некоторые итоги. Рабочие братства в XVIII в., вопреки мнению Брюа, не только не утратили своего значения и не прекратили своей деятельности, но, наоборот, играли все большую и большую роль в борьбе рабочих-подмастерьев.

«Классический», или же «активный», компаньонаж предъявлял своим членам ряд требований, которые делали их крайне незначительным меньшинством среди всех рабочих и явным меньшинством среди рабочих-подмастерьев. «Активный компаньонаж состоит по большей части из рабочих от 18 до 25 лет»¹⁴³. «Подмастерья не допускали (в компаньонажи. — С. С.) женатых мужчин... Тот, кто женился, «благодарил» свое общество и выходил из него»¹⁴⁴. Не допускались в компаньонажи и женщины, исключая так называемых «матерей», которые содержали особые постоянные дворы для подмастерьев¹⁴⁵. Выше уже упоминалось, что после обряда посвящения каждый подмастерье в большинстве ремесел должен был в течение трех месяцев начать многолетний «Тур де

¹³⁶ G. Martin. Op. cit., p. 25; H. Sée. Op. cit., p. 379—380; G. Lefranc. Op. cit., p. 215.

¹³⁷ A. Nicolai. Une grève et un contrat collectif de travail en Angoumois au XVIII-e siècle.— «Comité des travaux historiques et scientifiques. Bulletin de la section des sciences économiques et sociales», année 1936. Paris, 1937, p. 127—139; S. A. Lotté. Op. cit., «Critica storica», fasc. 4 — Anno 1 — 1962. Messina — Firenze, p. 389.

¹³⁸ «...У рабочих-бумажников тайная организация, которая начиная с конца XVIII в. включила всех работников этой профессии во Франции, распространила свое влияние и на Дофине, как и на другие провинции» (P. Léon. Op. cit., p. 308).

¹³⁹ E. Soreau. Quelques remarques sur les papeteries, imprimeries, librairies au XVIII-e siècle.— «Annales historiques de la révolution française», 1968, N 3, p. 328.

¹⁴⁰ С. А. Лотте. «Республиканское сословие». — «Французский ежегодник. 1960». стр. 366.

¹⁴¹ E. Dolléans et G. Déhove. Op. cit., v. I, p. 108; E. Coornaert. Op. cit., p. 210—212.

¹⁴² J. Jacques. Op. cit., p. 98.

¹⁴³ E. Coornaert. Op. cit., p. 102.

¹⁴⁴ Ibid., p. 148. Допуск женатых мужчин был отвергнут даже в 1884 г.! (ibid., p. 116).

¹⁴⁵ Ibid., p. 148.

Франс»¹⁴⁶. В течение всего этого времени идеалом была совместная с другими подмастерьями жизнь у «матери» в соответствии с тщательно разработанным для этой своеобразной общины распорядком. На одном месте подмастерье должен был оставаться не больше шести месяцев. В связи с этим «большинство местных обществ постоянно возобновляли свой состав»¹⁴⁷.

К «активному» компаньонажу примыкали кандидаты, еще не посвященные в члены. С другой стороны, к нему примыкали семейные рабочие-подмастерья и «устроившиеся» подмастерья, ставшие мастерами, они же — «бывшие» (*les anciens*), они же — «подмастерья-мастера». С начала XIX в. роль в компаньонажах этих бывших подмастерьев, ставших хозяевами, резко усиливается (вплоть до подчинения себе многих компаньонажей). Но организационные формы, связывающие эту массу с «активным» компаньонажем, даже в первой половине XIX в. были достаточно распыленными. Тем более неясными оказываются они для XVIII в.¹⁴⁸.

Пердиге указывал, что в первой трети XIX в. в случае, если члены «активного» компаньонажа не находили в своей среде решения какого-либо вопроса, и это приводило к кризису, то «созывался высший совет всех подмастерьев города, молодых и старых, «устроившихся» и нет, бедных и богатых, женатых или холостых». Это собрание принимало решение. «Если оно не могло быть исполнено и волнения продолжались, обращались в качестве последней возможности ко всему «Тур де Франс». Запрашивались 15 городов «девуара»..., каждый из них высказывал свое мнение и голосовал...»¹⁴⁹. Есть все основания предполагать, что такого рода «широкий» компаньонаж существовал и в XVIII в. и раньше. Только этот «широкий» компаньонаж мог быть реальной силой в борьбе с мастерами, предпринимателями. Оценки современниками и исследователями роли компаньонажей в XVIII в., их численности и т. д., которые кажутся трудно объяснимыми, противоречивыми применительно к одному «активному», «классическому», компаньонажу, находят ясное истолкование применительно к «узкому» и «широкому» компаньонажам, сосуществующим в одно и то же время. Из «широкого» компаньонажа вырастают, по-видимому, и рабочие братства XVII и XVIII вв.¹⁵⁰

Литература и источники позволяют сделать вывод о более широкой основе рабочих братств по сравнению с «активным» компаньонажем, о том, что их полноправными членами были семейные рабочие, которые вели «оседлый» образ жизни и удельный вес которых становился в силу дальнейшего разложения цеха все большим. В связи с более широким составом братств находится, очевидно, и отсутствие или исчезновение всевозможных сложных ритуалов, связанных с приемом новых членов. Характерная черта братств — отсутствие раскола на враждующие между собой секты, столь характерного для части компаньонажей. Форма братства была очень гибкой. Многие документы говорят о том, что эта форма

¹⁴⁶ *E. Coornaert. Op. cit., p. 189.*

¹⁴⁷ *Ibid., p. 214.*

¹⁴⁸ «Если несколько уставов компаньонажей датируются XVII и XVIII вв., то большинство восходят только к XIX в.» (*E. Coornaert. Op. cit., p. 209.*)

¹⁴⁹ *Ibid., p. 181.*

¹⁵⁰ Коорнар видит суть организаций типа компаньонажа в особенностях компаньонажа в узком смысле, «классического» компаньонажа. Эти особенности, это «качество» он затем распространяет на компаньонажи в широком смысле, хотя очень часто отсутствие именно этих особенностей и отличало компаньонаж в широком смысле от «классического» компаньонажа. Характерны рассуждения самого же Коорнара о том, что «компаньонажи образовывали в рамках ремесел общества с очень гибкой структурой, с разными очертаниями — в глубине, однако, очень похожих» (*E. Coornaert. Op. cit., p. 174.*), что «невозможно точно ограничить ансамбль компаньонажей», и в этом надо видеть свидетельство гибкости (*ibid., p. 200—201.*) Между тем «классический» компаньонаж сошел на нет, по многократным утверждениям самого же Коорнара, как раз из-за отсутствия даже минимальной гибкости, из-за особой консервативности!

давала рабочим возможность вносить известный раскол в лагерь своих врагов. Часть церковников по соображениям, и меркантильным и связанным с престижем, оказывала рабочим братствам (формально — религиозным братствам) поддержку вопреки позиции как хозяев, так даже и светских властей¹⁵¹. С некоторыми аспектами деятельности братств были вынуждены считаться и эти последние.

Деятельность братств отнюдь не ограничивалась одной лишь взаимопомощью, хотя и эта сторона была жизненно важной для рабочих. Братства боролись, как и компаньонажи, за сохранение или повышение уровня заработной платы, за сокращение продолжительности рабочего дня, против стихийного и организованного штрейкбрехерства, с помощью которого хозяева рассчитывали создавать и усиливать конкуренцию между трудящимися. Организация братствами стачек подтверждается немалым числом документов¹⁵².

Характерно, что в официальных документах, в антирабочем законодательстве XVIII в. упоминания о братствах и рабочих организациях, создаваемых «под предлогом братств», встречаются несравненно чаще, чем упоминания о компаньонажах.

Крайняя скудость и односторонность документального материала не позволяла сколько-нибудь полно раскрыть вопрос о сосуществовании, о взаимных связях рабочих организаций разных типов. Представляются вероятными три варианта: 1) наличие в той или иной профессии, в том или ином месте братства или компаньонажа; 2) «сосуществование» братства и компаньонажа, при котором члены «активного» компаньонажа являются частью членов братства как более широкой организации; 3) братства являются всего лишь «маской», иным наименованием компаньонажа. Так обстоит дело с братствами шляпников в Париже и Марселе¹⁵³. Среди рабочих-шляпников этих городов имелись враждующие группировки, типичные для компаньонажа.

Характерно, что после начала революции, в период оживления рабочего движения в 1790—1791 гг. возникают именно братства рабочих.

Рабочие братства, которые были когда-то предшественниками компаньонажей, приобретают в конце XVII и XVIII в. новый облик и становятся в какой-то мере их преемниками, отражая интересы более широких слоев предпролетариата и отличаясь большей гибкостью¹⁵⁴.

¹⁵¹ В Амбере, указывает Эйем, серьезные волнения рабочих-бумажников были «возбуждены» местным кюре (речь идет, по всей вероятности, о событиях 1776 г. См. *E. Soreau. La Loi Le Chapelier.*— «Annales historiques de la Révolution française», 1931, p. 290). Власти запретили братство бумажников, а это означало уменьшение доходов кюре, который служил для членов братства мессы, а также, возможно, предоставлял братству помещение для собраний (Эйем упоминает о расторжении властями арендного договора). «Месса,— писал уполномоченный интенданту,— является только предлогом, которым жадность церковников ловко пользуется для своих целей, не предвидя бедствий, в которые ввергают себя эти несчастные» (*J. Hayem. Op. cit.*, p. 114).

¹⁵² Кроме приведенных выше фактов, связанных с деятельностью организаций печатников, переплетчиков и бумажников, можно указать на организацию стачки братством рабочих-вязальщиков в Париже в 1724 г. (См. *F. Funck-Brentano. La question ouvrière sous l'Ancien Régime.*— «Revue Rétrospective», XVII, 1892, p. 19—20).

¹⁵³ *E. Isnard. Op. cit.*

¹⁵⁴ «...Можно отметить,— пишет Коорнар,— тайную ассоциацию ткачей Дарнеталя и Руана в конце XVII в. Они передавали из рук в руки рукописные уставы и были способны выдержать долгие стачки. Некоторые из этих стачек были успешными. Они были в профессиональном плане очень близки к стригальщикам сукна, которые создали полностью упорядоченный компаньонаж. Может быть, подобные группировки были в тесной связи с теми ткачами, которые под названием ткачей полотна были присоединены к Тур де Франс в 1775 г.» (*E. Coornaert. Op. cit.*, p. 210, 226). Кроме того, Коорнар указывает на существовавшую вне компаньонажей организацию подмастерьев-булочников (*ibid.*, p. 198—199). Представляет интерес материал и о братстве сапожников (*ibid.*, p. 176).

У Матеза есть интересные указания на существование особых организаций у рабочих металлургов и угольщиков в Восточной Франции. «В XVIII в., когда плавильные печи становятся более значительными, кузнецы создают свое общест-

Какие же выводы напрашиваются из обзора литературы о рабочих организациях во Франции перед революцией конца XVIII в.?

В XVIII в. господствующая в рамках того или иного цеха группа мастеров была, как правило, связана с эксплуатацией наемного труда. Мастерская зажиточного ремесленника представляла собой в очень многих случаях или простую капиталистическую кооперацию или центр небольшой рассеянной мануфактуры.

Цехи в XVIII в. все больше превращаются в объединения мелких предпринимателей, в том числе и капиталистического типа, для совместной борьбы как с рабочими, так и против конкуренции «сверху» (со стороны крупных и средних капиталистов, связанных со значительной по масштабам рассеянной или централизованной мануфактурой) и «снизу» (со стороны вновь появляющихся мелких и мельчайших предпринимателей).

Средневековые ремесленные подмастерья превращаются в XVIII в. в значительной мере в наемных рабочих, в рабочих-подмастерьев.

Благодаря цеху мелкие предприниматели выступали в роли коллективного эксплуататора, обеспечивая такую интенсивность эксплуатации, какая в иных условиях возможна лишь на крупных капиталистических предприятиях. Антагонизм между предпролетариатом и буржуазией зарождался во Франции не столько на «высшем», сколько на «низшем» уровне — между объединенными в цехи мелкими предпринимателями и рабочими-подмастерьями.

Рабочие-подмастерья были наиболее организованным и активным отрядом городского предпролетариата во Франции в XVIII в. Компаньонажи и рабочие братства, объединявшие рабочих-подмастерьев, объективно играли роль профсоюзных организаций.

Главной задачей рабочих организаций в XVIII в. была борьба с предпринимателями за повышение заработной платы и сокращение продолжительности рабочего дня. Основными методами борьбы были бойкот и забастовка.

В городах и местностях с относительно значительным рабочим населением стачечное движение в XVIII в. носило не эпизодический, а систематический характер. Стачки и голодные бунты возникали при разных ситуациях и взаимно дополняли друг друга. Вместе с тем стачечное движение было более высокой формой классовой борьбы бедноты по сравнению с голодными бунтами.

Рабочие организации, возникшие во Франции в 1790—1791 гг.¹⁵⁵, были новой ступенью в развитии компаньонажей и рабочих братств XVIII в.

Закон Ле Шапелье положил конец процессу превращения, трансформации компаньонажей и рабочих братств в подлинно классовые, босвые профсоюзные организации, наметившемуся в XVIII в. и принявшему особенно отчетливые формы в 1790—1791 гг.¹⁵⁶ Пережившие революцию компаньонажи были, с точки зрения классовой борьбы пролетариата, бледной копией не только рабочих организаций 1790—1791 гг., но даже компаньонажей XVIII в., и в конце концов зашли в тупик.

во. Угольщики и литейщики группируются в «Общество добрых друзей (bons Cousins) угольщиков», собрание которого, созывавшиеся в лесах, назывались «вентами», а группы — «ложами». Это была разновидность прекрасно организованного общества сопротивления и взаимной помощи. Они (угольщики, их организация.— С. С.) были многочисленными в Юре накануне 1789 г. и не скрываются больше после начала революции. Место сбора у них было в Lons-le-Saulnier, и они играли большую политическую роль. Один из них, Вернье, был депутатом Конвента. И именно здесь находится исток итальянского карбонаризма (А. Mathiez. Op. cit., p. 104). См. также: E. Soreau. Note sur les compagnonnages ouvriers avant et après la Révolution.— «Annales historiques de la Révolution française», 1929, p. 182. Соро упоминает о старинных братствах дровосеков и возчиков (ibidem).

¹⁵⁵ С. Л. Сыгин. Указ. соч., стр. 101—149.

¹⁵⁶ С. Л. Сыгин. Закон Ле Шапелье в оценке современников.— «Новая и новейшая история», 1969, № 4, стр. 45—58.